

убедительностью П. повествует об опасности и благотворности романтических порывов. Это вообще его стиль, его тема, ярче и парадоксальнее всего проявившаяся в рассказе **«Чем сердце успокоится»** (1973). Его героиня, деревенская «дуреха», и в унижении настаивает на жизни «по мечте».

О необыкновенных вещах П. любит рассказать «по-домашнему». Поэтому в обычных для советской прозы «производственных» сюжетах (некоторая эксплуатация своего «трудового» опыта в ранней прозе П. имеет место) у писателя звучит нетривиальная душевная нота, напряжение у него всегда разрешается чьей-нибудь улыбкой. В повести **«Матюшенко обещал молчать»** (1972), состоящей, по существу, из цепочки рассказов, автор размышляет о том, сколько человеку для счастья земли надо. И какой земли? Счастье П. очень хочется найти, так же как и его героям. Но и они, и автор ведают: надежды на полное, «круглое» счастье иллюзорны. Счастье вытесняется честолюбивыми желаниями. Как людям жить с ними, как сохранить свое достоинство не за счет чужого — вот нравственные темы панинской прозы.

Склонность к итоговым обобщениям и сжатым формулировкам более чем характерна для панинских персонажей. Их буквальная любовь к афоризмам — возрастная черта, свидетельство повышенной интеллектуальной активности, связанной с желанием немедленно, сразу же закрепить и утвердить свой опыт. Их отжатые и выжатые суждения не всегда являются плодом действительной умудренности. Часто они говорят о желании в каждую живую ситуацию привнести заранее данное решение, являются плодом нервного своеволия. Поэтому сквозной для всей прозы П. оказывается тема определения отношений между людьми, дистанции между ними, тема «расстояния», как назван один из его рассказов. Он как раз и написан о том, чем оборачивается желание следовать умозрительному правилу «уметь держать людей на расстоянии». Существен этот мотив и в **«Любви к афоризмам»**.

Афоризмы панинских персонажей часто весьма далеки от авторской точки зрения, но склонность к ним близка его худож. темпераменту, отличающемуся заметной активностью, даже «злостью». Такая «злость» душе художника все-таки необходима — ее романтический синонимом может служить состояние «творческой ярости». В этом состоянии написан первый роман П. **«Труп твоего врага»** (удостоен премии «Северная Пальмира», 1996) — о жизни нашей «пропащей» интеллигенции.

Второй — и последний — роман П. **«Камикадзе»** травестирует «Робинзона Крузо» Дефо, любимое чтение писателя в последние годы жизни. Герой П., «летчик палубной авиации», оказывается на острове «в синем и далеком океане» среди «дикарей». Тема «расстояния» развивается прозаиком и в прямом и в метафизическом смыслах: печальный быт военных городков постсоветского времени и «райское» препровождение дней близ спиртоносного источника в роли предводителя абorigенов, «жизнь по мечте» и крах жизни, трагедия и фарс, печаль и сатира — все смешалось в двухуровневом сюжете «Камикадзе».

Соч.: Чем сердце успокоится. Л., 1978; Матюшенко обещал молчать. Л., 1984; То же. С добавлениями и испр. Л., 1989; Трудный путь к правовому государству // Аврора. 1991. № 3; Пьяная вишня // Звезда. 1992. № 5–6; Труп твоего врага // Звезда. 1996. № 6; Камикадзе // Звезда. 2002. № 10.

Лит.: Золотцев С. Два дня из жизни гарнизона // Аврора. 1975. № 4; Михайлова Л. Жар поисков, ужимки подражаний // Лит. газ. 1975. 9 апр.; Никольский Б. Солдатский труд // Молодой коммунист. 1975. № 9; Андреев Ив. Когда достоверность в опале // Коммунист вооруженных сил. 1975. № 12; Арьев А. С новой страницы // Аврора. 1979. № 9; Панков А. Еще раз про любовь... // Правда. 1980. 3 февр.; Филиппов Г. На пути к «философии жизни» // Новый ж. СПб., 1997. № 1; Немзер А. Не спите днем // Немзер А. Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е. М., 1998.

А. Ю. Арьев

ПАНО́ВА Вера Федоровна [7(20).3.1905, Ростов-на-Дону — 3.3.1973, Ленинград; похоронена в пос. Комарово под Петербургом] — прозаик.

Отец П. — помощник бухгалтера в одном из ростовских банков, происходил из богатой, но разорившейся купеческой семьи. Мать — учительница музыки. Детство и юность будущей писательницы, оставшейся без отца и почти без средств к существованию, прошли в нужде. Вместе с тем о Ростове, своем родном городе, она сохранила нежные воспоминания, отразившиеся в ее произведениях. В то же время ростовский обыватель привил ей отвращение к мещанству, торгашеству, нечистому быту, меркантильным отношениям между людьми. Неудивительно, что разоблачение мещанства прошло через все ее творчество, в т. ч. в **«Спутниках»**, **«Кружилихе»**, **«Сентиментальном романе»**, **«Временах года»** и др. Поступив в гимназию, П. не смогла ее окончить из-за нужды,

угнетавшей семью, и должна была искать самостоятельных заработков. Сначала это были репетиторские уроки, а затем работа в редакции ростовской газ. «Трудовой Дон».

Журналистика на долгие годы становится основным занятием П. Занимаясь журналистикой, она познакомилась в редакциях газет с Н. Погодиным, Вл. Ставским, Ю. Юзовским, А. Фадеевым. В Ростов приезжали Вл. Маяковский, А. Мариенгоф, С. Есенин, А. Луначарский. С середины 1920-х П. регулярно печатается в газ. «Трудовой Дон», «Молодежь Дона», «Советский Юг» и др. Под псевдонимом В. Старосельская (по фамилии мужа), а затем — Вера Вельтман, напомиравшем о полузабытом писателе XIX в., П. опубликовала много корреспонденций, очерков, статей, фельетонов. Причем фельетоны оказались у молодой писательницы наиболее удачными («Три исходящие», «Непризнанный гений», «Ветеринария по-черниговски», «Верховный жрец», «Фиговый листок», «Столичный литератор»). Эти публикации принесли ей первую, хотя и местную известность. Не прошли они бесследно и для более позднего творчества, оставив свой след в виде тонкой иронии, юмора, которые будут свойственны мн. ее знаменитым впоследствии произведениям.

Зимой 1934/35 произошел трагический перелом — был арестован по ложному обвинению ее второй муж Б. Вахтин, и П., боясь преследований, перебралась с детьми на Украину в с. Шишаки Полтавской обл. Там она пишет оказавшуюся, впрочем, неудачной трагедию в стихах о борьбе испанских республиканцев с франкистами.

Интерес к драматургии оказался сильным и творчески проявлялся на протяжении всей ее писательской деятельности. Когда в 1933 П. приехала в Ленинград, она всерьез занялась проблемами театра. В довоенных пьесах «Илья Косогор» (1939), «В старой Москве» (1940) П. обратилась к предреволюционным годам — к изображению мещанско-обывательского быта, оказавшегося живучим и в последующую эпоху. Пьеса «В старой Москве» была поставлена в Москве Ю. Завадским, а в Ленинграде ее репетировали перед войной в Театре им. А. Пушкина (реж. Л. Вивьен).

Великую Отечественную войну П. встретила в Пушкине (под Ленинградом) и до прихода немцев эвакуироваться не успела. С ребенком (двое детей оставались в Шишаках на Украине) П. с тяжкими бедствиями добралась до украинского села. Впечатления от этого драматического пути впоследствии отра-

В. Ф. Панова

зились в ее пьесе «Метелица» (1942, под названием «Военнопленные», 2-я ред.— 1957) и в последней автобиографической повести «О моей жизни, книгах и читателях». В селе, на оккупированной территории, П. познала на собственном опыте всю глубину народных бедствий. Она вышла из этого испытания нравственно закаленной и полной новых замыслов.

В конце 1943 ей удалось с Украины перебраться в Пермь. Этот город сыграл в ее жизни большую роль, поскольку именно там, в редакции газ., она получила задание поехать корреспондентом в «образцовом» санитарном поезде, чтобы написать брошюру об опыте работы его персонала. Но еще до отъезда в прифронтовую полосу П. написала небольшую повесть «Семья Пирожковых» (1944) — потом, в новой редакции, она стала известна под названием «Евдокия» (1957; по повести был снят одноименный фильм). П. склонна была считать это произведение своим подлинным лит. дебютом, так как, по ее словам, именно «Евдокию» она впервые писала свободно и в настоящей своей манере. Тогда же в Перми П. начала писать большой роман о заводской жизни, о рабочем поселке Мотовилиха. Через несколько лет этот роман стал известен читателям под названием «Кружилиха» (1947). В разгар работы она и отправилась по заданию редакции на санитарном поезде № 312. Среди врачей, медсестер, раненых она провела около 2 месяцев. За это время поезд совершил 4 рейса,

во время которых под стук колес и начала создаваться повесть «Спутники» (1946) — лучшее произведение П., принадлежащее к классике лит-ры советского периода. П. была принята в СП.

С повести «Спутники» началась подлинная, большая известность писательницы. П. сумела создать небольшую, но выразительную галерею характеров. Каждому из основных героев посвящены отдельные главы: «Данилов», «Лена», «Доктор Белов», «Юлия Дмитриевна». По своему построению «Спутники» представляют собою как бы цепь законченных портретных новелл, которые незаметно для читателя, вместе с изменяющимся фокусом авторского повествования, создают целостный, достаточно масштабный худож. организм. Судьбы героев П. драматичны и неизменно даны в перспективе их жизненного развития: живя в настоящем, они раскрывают свою душу, обращаясь к воспоминаниям о прошлом, а их мечты о будущем, очень разные, тоже по-своему дают проекцию дальнейшего возможного пути в послевоенной жизни. Книга подкупает тонким психологизмом, выразительностью портретных деталей, абсолютной психологической правдивостью и напряженным внутренним авторским лиризмом, впервые с такой силой проявившимся в манере писательницы. В повести нет центрального героя, но есть главный мотив, который соединяет в единое целое все характеры, все разрозненные внешние судьбы. Этот главный мотив можно назвать ощущением, переживанием и передачей в худож. слове самого потока времени. Не случайно 3 части «Спутников» озаглавлены «Ночь», «Утро», «День», что в конкретном худож. воплощении имеет одновременно и обобщенный, символический характер. Заключительная часть «Спутников» — «День» — знаменует собою своего рода итог и предчувствие финала, т. е. конца войны, и наступление нового времени в жизни государства — его послевоенного дня.

Роман «Кружилиха» (1947), написанный раньше «Спутников», вызвал большой интерес как своего рода разновидность широко распространенного в советской лит-ре «производственного» романа. Главный конфликт «Кружилихи», развертывающийся между директором завода Листопадом и профсоюзным лидером Уздечкиным, лежит в отличие от большинства «производственных» романов почти исключительно в нравственной сфере. Именно эта сторона произведения вызывала в тогдашней критике, на многочисленных обсуждениях наибольшие сомнения

и противоречивость в оценках. Но П. была в «Кружилихе» верна себе: ее всегда интересовали и волновали нравственные проблемы. Все «производственное» (так же как в «Спутниках» «военное») зависело от нравственности людей, от следования этическим нормам, от богатства или обедненности человеческой личности.

От изображения заводской жизни П. перешла (что было неожиданностью не только для читателей, но и для критики) к изображению совр. деревни. Она и сама, будучи сугубо городским человеком, поначалу сомневалась в успехе начатого ею дела. Чтобы ближе познакомиться с сельской жизнью послевоенного села, она поехала в один из животноводческих совхозов. И все же в основе ее впечатлений, ее знаний о людях деревни лежали переживания, связанные с тем украинским с. Шишаки, где она жила временами до войны и где перенесла тяготы оккупации.

В «Ясном берегу» (1949) впервые у П. проникновенно показана русская природа и передана сама атмосфера деревенской действительности. В том животноводческом совхозе, где П. провела некоторое время для сбора материала, она встретила с человеком, послужившим ей когда-то прототипом для Данилова из «Спутников». Эта встреча повлекла за собою воспоминания о войне, а также необходимость так или иначе включить военную память, ее незарубцевавшиеся раны в свое повествование. Однако общая тональность повести, овеянная дыханием недавней победы и надеждами на будущее, была оптимистичной и светлой. Конфликты, уже вырисовывавшиеся в то время в сельской жизни, почти не задели внимания писательницы, да и общие требования к лит-ре («теория бесконфликтности») не располагали к жесткому анализу социальных явлений. Литература вплотную займется этими проблемами в недалеком будущем. Но характерно, что критика, в общем положительно оценившая повесть («Ясный берег», как и «Спутники» и «Кружилиха», получил Сталинскую премию), все же упрекала автора в слаженности жизненных противоречий, в «голубизне» и некоторой сентиментальности повествования.

В «Ясном берегу» в одной из главок появился 5-летний мальчик Сережа — ему и предстояло стать главным героем повести, появившейся через несколько лет, — «Сережа» (1955). К. Чуковский назвал эту книгу «классическим» произведением в лит-ре о детях. Вполне возможно, что образ ребенка был толчком к разработке темы поколений

в романе «Времена года» (1953). В отличие от «Ясного берега» в нем подняты острые проблемы общественной морали и затронуты социальные противоречия, уже начавшие волновать мн. писателей. Анализируя тот тип молодежи, который представлен в образе Геннадия Куприянова, П. в сущности впервые обратила общественное внимание на истоки равнодушия и скептицизма, свойственные части юношества. Она увидела здесь совершенно реальную опасность. Критика не сразу по достоинству оценила эти попытки вторгнуться в сложнейшие проблемы общественной морали. Писательницу нередко упрекали, анализируя роман, за пристрастие к «вечным» проблемам и к «вневременной человечности», в абстрактном гуманизме и т. д. Это было несправедливо и шло вразрез с самим романом, начелленным на познание современности (о чем П. говорила в интервью, статьях и заметках).

После романа «Времена года» (романа о молодежи) П. обратилась к изображению старшего поколения. «Сентиментальный роман» (1958) образует вместе с «Временами года» как бы своеобразную, впрочем не предусматривавшуюся автором, дилогию на тему «отцы и дети». Это автобиографическое повествование, где П. пишет о юности, о Ростове, о молодежных спорах своего времени. Естественно, что роман, названный самим автором сентиментальным, проникнут чувством сильнейшего лирического переживания. Возвращение в юность дало возможность лирической манере писательницы полностью реализовать себя. Роман плотно насыщен реалиями 1920-х. Автор не обходит тогдашних противоречий, но все же юность, с ее чистотой и бескорыстностью, с ее общественным темпераментом, является главным героем произведения. «Сентиментальный роман» критика по праву ставила в один ряд с широко развивавшейся в те годы в советской лит-ре «лирической прозой» («Дневные звезды» О. Берггольц и др.).

В последние годы жизни в своем исследовательском пафосе «истоков» П. пошла еще дальше — в глубь истории. Она пишет исторические рассказы о Древней Руси (княгиня Ольга), о периоде Смуты, об Иване Грозном. Все эти вещи были собраны в книге «**Лики на заре**» (1966). По ее словам, она использовала в своих исторических картинах и портретах «технику мозаики». Из отдельных фрагментов прошлого складывалась в целом выразительная панорама давних времен. Произведения полны аллюзий и аналогов. П. подталкивала читателей к размышлениям со-

поставительного характера. Главнейшей и остро актуальной темой ее «мозаик» была проблема власти и народа, тирании и моральной ответственности перед государством и нацией. Последним произведением П. стала книга «О моей жизни, книгах и читателях», опубликованная в 1975, уже после смерти писательницы.

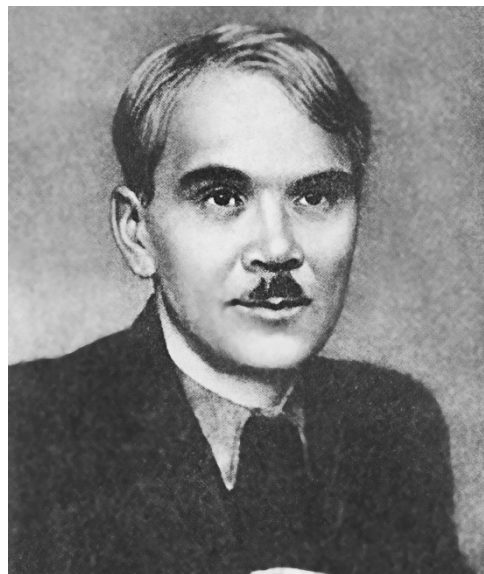
Соч.: СС: в 5 т. Л., 1969–70; Избранные соч.: в 2 т. Л., 1956; Киноповести. Л., 1966; Лики на заре: Исторические повести. Л., 1966; Поговорим о странностях любви: пьесы. Л., 1968; Заметки литератора. Л., 1972; Сказание об Ольге. Кто умирает. Л., 1978; Избранные произведения: в 2 т. Л., 1980.

Лит.: Фрадкина С. В мире героев Веры Пановой. Пермь, 1961; Плоткин Л. Творчество Веры Пановой. Л., 1962; Богуславская З. Вера Панова. М., 1963; Ниннов А. Вера Панова: Жизнь. Творчество. Современники. Л., 1980; Юрьева С. Вера Панова. Страницы жизни. К биографии писательницы. Нью-Йорк, 1993; Воспоминания о Вере Пановой: сб. статей. М., 1988.

А. И. Павловский

ПАНТЕЛЕЕВ Л. (настоящее имя Алексей Иванович Еремеев) [9(22).8.1908, Петербург — 9.7.1987, Ленинград] — прозаик.

Родители — выходцы из старинных купеческих семей. Отец писателя во время русско-японской войны ушел в действующую армию, отличился, получил орден св. Владимира и потомственное дворянство. Детство П. прошло в обеспеченной семье, однако все

Л. Пантелеев